

Слово Митрополита Анастасия (Грибановского), Первоиерарха Русския Зарубежняя Церкви (+1965г.) в седьмую годовщину мученической кончины Государя Императора Николая II

Исполнилось семь лет со дня кончины наших царственных мучеников, и мы приносим на этом всемирном алтаре безкровную жертву в память их.

Молитва любви — наш постоянный долг пред ними и их великими страданиями, завершившимися жестокой казнью всей Царственной Семьи в нынешнюю кровавую ночь в Екатеринбурге.

Не прекратилась еще великая брань добра и зла, потребовавшая от России столь тяжкой жертвы, и имя почившаго Государя продолжает донине стоять пред нами как «знамение пререкаемо».

В то время как одни при самом воспоминании об этом имени проливают слезы скорби и сострадания, другие приходят в неистовство и с яростью бросают в него отравленные стрелы.

Не потому ли эти последние так негодуют против замученного Царя, что, пролив его кровь, они ничем не могут оправдать совершенного ими преступления?

Все ухищрения убийц Государя оказались бессильны помрачить нравственный образ его — тот образ, который служит мерилем истинного достоинства человека — будет ли последний сидеть на престоле или влачить свое печальное существование среди униженных земли.

Известно, что люди, подобно драгоценным металлам, познаются в горниле огненных испытаний. Почивший Император прошел сквозь оба главных вида искушений, каким подвергается человек на земле: искушение высотой, славою, счастьем и искушение унижением, лишениями, телесным и душевным страданием. Трудно сказать, какой из этих двух искусительных путей опаснее для нас. Не легко перенести человеку сознание своего превосходства пред другими людьми и устоять пред опьяняющим действием величия, славы, богатства, которые почти всегда приходят к нему в сопровождении своего всеразвращающего спутника в виде соблазна гордыни. Не менее требуется от нас нравственных усилий и для того, чтобы сохранить спокойное величие духа в постигающих нас тяжких скорбях и бедствиях; когда сердце человека невольно озлобляется против всего мира или впадает в уныние.

Положение венценосца и притом самодержавного таит в себе тем более духовных опасностей, что в его руках сосредоточена полнота власти, могущества и связанных с ними прочих земных благ, прельщающих большинство людей.

Для властелина миллионов людей почти не существует слово «невозможно», его веления обладают творческой силой. Не напрасно льстецы готовы приписывать этим славным и сильным земли почти божеские свойства.

Искушения царской власти так велики, что в древней Византии существовал мудрый обычай: среди шума и блеска коронационных торжеств, когда восторженный народ рукоплескал, как некоему полубогу, своему венчанному повелителю, — подносить последнему куски мрамора, чтобы он заранее выбрал из них материал для своей гробницы, или давать ему в руку мешок с золой, дабы напомнить ему, что и он станет некогда землею и пеплом, как и каждый из смертных.

Престол Русского Царя в то время, когда его унаследовал Император Николай II, стоял так высоко, что виден был всему миру; однако блеск его не ослепил ни на минуту почившего Государя. Последний не упивался вином власти и не увлекался своим преходящим величием; напротив, он скорее тяготился последним и не мог преодолеть в себе врожденного чувства скромности, часто мешавшего ему проявлять свою власть в такой степени, как это требовалось иногда по обстоятельствам времени. Напитанный с детства умиротворяющим духом православия Царь-мученик всегда был кроток и смирен сердцем, трости надломленной он не сокрушал, льна курящего не угашал. Мир и любовь составляли главную стихию его духа: призывом к миру всего мира начал он свое безмятежное, казалось, и благословенное царствование и когда он впервые увидел себя вынужденным обнажить меч для защиты России сначала от внешних, а потом от внутренних врагов, его сердце невольно сжалось от боли.

Неискушенный еще опытом Государь постоянно скорбел от того, что великодушные намерения его разбивались о неодолимые противоречия жизни. Власть открывалась пред ним не столько как радостная возможность поощрять добро, сколько как суровая необходимость бороться со злом (Рим. 13, 1 - 4) и он, страдая внутри, с терпеливою покорностью нес бремя ея, как долг наложенный на него свыше.

Минуты отдыха Государь проводил в кругу любящей семьи, жившей скромным древне-русским укладом среди окружавшего ее внешнего блеска.

Высокое жертвенное настроение, загоревшееся в сердце русского народа в начале мировой войны, снова окрылило Государя. Воспламененный тем же священным огнем, он слился духом со своими подданными и, сделавшись выразителем общенародных чувств, стал истинным Вождем Отечества.

Это были, несомненно, одни из самых счастливых дней его царствования, когда пред ним отверзлись заветы родной истории и он ощутил в сердце таинственный голос, зовущий его к осуществлению высокого призвания русского народа. С терпением преодолевая все невзгоды войны, он бодро шел навстречу этому грядущему светлому дню торжествующей правды и мира. Но увы! исполнение времен приблизилось к нам лишь для того, чтобы показать, как мало мы были подготовлены к приятию ожидавшего нас жребия. Народ не претерпел до конца великаго испытания и потому не венчался венцом победы. Увлеченный духом обольщения и соблазна, он сошел с теснаго пути подвига, на который был поставлен рукою Промысла, и устремился на широкие пути своеволия и беззакония. В каком то опьянении безумия он беспощадно стал разрушать все разумныя основы общежития и тогда взят был из его среды Удерживающий, т. е. Царь, как источник власти и главный оплот порядка в государстве.

Подобно Иову, в день котораго Государю по воле Божией суждено было увидеть свет, последний в одно мгновение лишился и славы, и богатства, и царства, и друзей.

Лишь немногие из близких к нему лиц захотели пить с ним чашу страданий и остались верны ему до конца; другие хотя и сочувствовали бедственному состоянию его, но не решались заявить об этом открыто, чтобы не быть отлученными от сонмища; большинство же его прежних, часто — благодетельствованных им, друзей совсем отреклось от него страха ради иудейскаго и вместо утешения посылали своему недавнему покровителю упреки в том, что он сам заслужил свою участь.

Господь оставил страстотерпцу-Государю только одно утешение сравнительно с Иовом — это любящую и самоотверженно преданную ему семью, но, увы! она должна была делить с ним одне унижения и скорби и потому иногда служила для него невольным источником новых страданий.

Тягчайшим из всех бедствий, какия внезапно упали на главу Повелителя всей России, было несомненно лишение личной свободы — этого драгоценнейшаго блага, которым обладали миллионы его подданных и котораго Бог не захотел отнять у самаго великаго ветхозаветнаго страдальца — патриарха Иова. Заключение под стражу, Государь должен был испытывать всю горечь неволи и всю жестокость человеческой неблагодарности. Люди, еще недавно трепетавшие от одного взгляда его и ловившие улыбку его, как живительный луч солнца, теперь подвергали его самым грубым оскорблениям, глумились не только над ним самим и Императрицей, но и над их юными, благоухающими нежной чистотой детьми, душа которых особенно должна была страдать от перваго соприкосновения со злом и неправдой жизни. Каждый день, каждый час эти жестокие истязатели изобретали новыя нравственныя пытки для

беззащитной царской семьи, и, однако, ни одного слова ропота на свой жребий не вышло из уст царственных страдальцев. Они подражали Тому, о Ком сказано: **будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал** (1 Петр. 11, 23). Только Богу они возвещали печаль свою и пред Ним одним изливали свое сердце. Чувство оставленности, угнетавшее душу их, не охладило любви их к России; забывая собственные испытания, царственные узники продолжали до конца жить и страдать нераздельно с своим народом.

Уже самый акт отречения от престола является со стороны Государя выражением высокога самопожертвования ради горячо любимаго им Отечества.

В то время, как иностранные венценосцы, прошедшие (в Англии и Франции) по воле Промысла тем же крестным путем, не захотели разстаться со своим тронем без кровопролитной борьбы, наш почивший Император был далек от мысли защищать свою власть только ради желания властвовать. «Уверены ли Вы, что это послужит ко благу России?» спросил он тех, кто якобы от имени народа предъявил ему требование об отречении от своих наследственных прав, и, получив утвердительный ответ, тотчас же сложил с себя бремя царскаго правления, боясь, что на него может пасть хоть одна капля русской крови в случае возникновения междоусобной войны.

Этим мудрым отныне историческим вопросом Государь навсегда снял с себя ответственность за предпринимаемое им решение и она пала на главу тех, кто первый поднял на него святотатственную руку.

По мере приближения к своему исходу вся семья доблестных страдальцев с истинным царственным величием все выше и выше поднимается над землей и достигает, как об этом свидетельствуют последния письма их, исповеднической крепости веры и мученическаго незлобия и всепрощения к врагам своим.

Смерть застала всех их вполне созревшими для вечности; однако, самая обстановка неожиданной казни их должна была причинить им новыя тяжкия хотя уже последния страдания. Для юных царских детей, увядавших в самом расцвете жизни, образ насильственной смерти ужасен был особенно потому, что они впервые встречались с ним лицом к лицу, и один вид безсердечных палачей должен был привести в содрогание нежную душу их. Сердце же родителей их раздиралось на части от одной мысли, что ради них влекутся на заклание ни в чем неповинныя дети, и они эти несчастные царственные родители, подобно мученице Софии, прошли сквозь горнило смерти несколько раз, умирая одновременно с каждым из своих чад.

История в свое время расскажет сокровенныя еще для нас подробности этой страшной ночи, и слезы тихаго умиления неоднократно прольются над подвигом новых великих страсготерпцев, которых Господь **разжег, яко сребро,**

искусил седмерицею, чтобы обрести их достойными Себе (Прем. Сол. 3, 5 - 7) и увенчать более славными диадемами, чем венцы царские.

Весь мир содрогнулся от ужаса при виде екатеринбургского злодеяния. Только сами виновники его дышали еще чувством неутолимой злобы и продолжали даже после казни преследовать свои жертвы, сплетая вокруг имени их терния язвительной клеветы. К счастью, время — этот нелицеприятный судия человеческих дел — каждый день разоблачает последнюю, являя образ почившаго Государя и Государыни в его истинном свете. Теперь уже никто не дерзает сказать, что они даже в мыслях способны были изменить России или что святыня семейного очага их была омрачена хотя бы малейшею мимопроходящей тенью. Никто не решится ныне вменить в вину одному Императору Николаю II и все те бедствия и ужасы, в какие ввержена ныне наша многострадальная Родина, ибо в этом повинны весь русский народ и каждый из нас в отдельности.

Этот поистине страдалец-Государь не может быть ответственным за то, что ему указан был жребий управлять столь обширным государством на переломе вековой истории его, когда никаких естественных человеческих сил не было достаточно для противодействия надвигающейся злой разрушительной стихии, накопленной грехами целого ряда поколений и неудержимой, как лава извергающегося вулкана.

Свыше была определена и та мера духовных дарований, какую он обладал при прохождении высокога пред Богом и людьми служения своего. Никто из людей не обязан родиться гениальным, но каждый должен трудиться и умножать в меру сил своих полученные им от Бога таланты. Кто может упрекнуть в Бозе почившаго Царя в том, что он не исполнил этой евангельской заповеди? Кто не знает, что он был неутомимым работником на троне, всегда ревновавшим о преуспейнии державы своей, охранявшим достоинство и безопасность ея в течении 23-х лет своего царствования, пока он не положил, наконец, за нее свою душу.

Если же Государь, стремясь всегда к высоким целям, не находил иногда соответствующих средств для осуществления их, если он думал нередко о своих приближенных лучше, чем они заслуживали, и испытывал по временам чувство смущения и нерешительности пред лицом надвигающейся опасности, то это доказывает только то, что он был человек и потому ничто человеческое не было чуждо ему.

Кто имеет право судить его за те или другия человеческия немощи, за вольные и невольные грехи его, кроме Того, Кто вручил ему царство и послал ему столь великия очистительныя испытания, что они способны **перевесить песок морей?** (Иов. 6, 3).

Великомученический подвиг Русского Царя Николая II почти не имеет равного себе в истории последних веков, и только здесь, на этой трепетной и таинственной Голгофе мы уразумеваем сокровенный смысл креста, возложенного на него и вместе с ним на всю семью его свыше. Голгофа это — всемирный жертвенник и вместе всемирное судилище.

С тех пор как здесь соединились вместе божественная любовь и правда, чтобы раздрать рукописание грехов человечества, с вершины Голгофы открываются для нас судьбы Божественного Провидения, взвешивающего жребий отдельных людей и целых народов. Отсюда всякая мученическая кровь вопиет на небо и низводит гнев Божий на одних и благодать на других. Отсюда износится суд и помилование языкам.

Исполненные скорбного недоумения, некогда стояли здесь Пречистая Мать Божия с женами мироносицами и св. Иоанном Богословом, взирая на распятого на кресте Царя славы. С пронзенным печалью сердцем взираем и мы с высоты этого священного места на распятую, поруганную и окровавленную Россию и как бы от лица всего русского народа вопрошаем Того, в руке Которого власть вся земли: Господи! если для очищения всего народа нужна была жертва первого из сынов его и самого Вождя Русской земли, то она уже принесена ныне. Если для заглаждения наших общих грехов должна была пролиться невинная кровь, то она еще дымится пред Тобою из ран заклятых, юных и чистых, как непорочные агнцы, царских детей и иных подобных им страстотерпцев, их же имена Ты носи. Приносим Тебе в искупление и воздыхания и вопли всех русских людей, томящихся ныне в смертных муках, и эти умиленные русские слезы, которые в течение веков лились на Голгофе.

Уповаем на милосердие Твое и взываем к вечной правде Твоей, сочетавшейся в неизреченной тайне креста, подъятого Божественным Сыном Твоим.

Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты царствуеши во веки! Аминь.

Произнесено 4-го/17-го июля 1925 г., после заупокойной литургии на Голгофе в храме Воскресения Христова в святом граде Иерусалиме.

Слово Святителя Иоанна (Максимовича), архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского чудотворца (+1966г.) в день убиение Царственных Мучеников

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Святая Церковь завтра прославляет св. Андрея епископа Критского, творца Великого покаянного канона, а мы собрались, чтобы молиться об упокоении души Царя-Мученика и иже с ним убиенных. В России также ежегодно собирались русские люди в храмы в день св. Андрея Критского, но не того, который прославляется завтра, а преподобномученика Андрея, замученного за исповедание Христа и правды Христовой. В этот день преподобномученика Андрея в России люди с радостным чувством собирались благодарить Господа за чудесное спасение Государя Александра III в Борках 17 октября 1888 года. Во время его путешествия произошло страшное крушение поезда, все вагоны были разбиты кроме одного, в котором находился Царь со своей семьей.

Так в день преподобного Андрея Критского, замученного врагами Христа и Его Церкви, был спасен Наследник, а впоследствии Государь Николай Александрович, и также в день св. Андрея Критского, но мирно окончившего свои дни на земле, Государь был убит безбожниками и изменниками. В день Андрея мученика Россия прославляла и празднуемого в один день с ним пророка Осию, предсказавшего воскресение; в их честь строились храмы, где народ русский благодарил Бога за спасение Государя. А через 30 лет, в день св. Андрея, учившего о покаянии, Государь был умерщвлен на глазах всего народа, не сделавшего даже попытки его спасти. Это тем более страшно и непонятно, что Государь Николай Александрович воплотил в себе лучшие черты царей, которых знал, любил и почитал русский народ.

Царь-Мученик более всего походил на Царя Алексея Михайловича, *Тишайшего*, но превосходил его своей непоколебимой кротостью. Россия знала Александра II, *Освободителя*, но Царь Николай II освободил еще больше народа из братского славянского племени. Россия знала Александра III, *Миротворца*, а Государь Николай II не ограничивался только попечением о мире в свои дни, но сделал крупный шаг к тому, чтобы все народы Европы и всего мира жили миролюбиво и разрешали свои недоразумения мирным путем. С этой целью, по безкорыстному и благородному личному почину его, была созвана Гагская конференция. Россия восхищалась Александром I-м и назвала его благословенным за то, что он освободил Европу от чуждой власти одного

человека. Государь Николай II, в условиях во много раз более трудных, восстал против такой же попытки другого человека распространить свою власть на чуждый ему по крови и вере славянский народ и в защите его проявил стойкость, не знающую компромиссов. Россия знала великого преобразователя Петра I, но если припомнить все преобразования Николая II, то мы не знаем, кому отдать предпочтение, при чем последним преобразования были проведены более внимательно, обдуманно и без резкости. Иоанна III, Иоанна Калиту, Россия знала как собирателей России, но до конца довел их дело Государь Николай II, когда в 1915 году вернул России, хотя и на краткое время, всех ее сынов. Государь Всероссийский — он первый и единственный был Царем Всероссийским. Его внутренний, духовный нравственный облик был так прекрасен, что даже большевики, желая его опорочить, могут упрекнуть его только в одном — в набожности.

Доподлинно известно, что он всегда начинал и заканчивал свой день молитвой. В великие церковные празднества он всегда приобщался, при чем смешивался с народом, приступавшим к Великому Таинству, как это было при открытии мощей преподобного Серафима. Он был образец целомудрия и глава образцовой православной семьи, воспитывал своих детей в готовности служить русскому народу и строго подготовлял их к предстоящему труду и подвигу. Он был глубоко внимателен к нуждам своих подданных и хотел ясно и близко себе представить их труд и служение. Всем известен случай, когда он прошел один несколько верст в полном солдатском снаряжении, чтобы ближе понять условия солдатской службы. Он ходил тогда совсем один и тем ясно опровергаются клеветники, говорящие, что он боялся за свою жизнь. Если Петр I сказал, «а о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы Россия», то Государь Николай Александрович поистине, можно сказать, исполнил это. Говорят, что он был доверчив. Но великий Отец Церкви св. Григорий Великий говорил, что чем чище сердце, тем оно доверчивее.

Что же воздала Россия своему чистому сердцем, любящему ее более своей жизни Государю?

Она отплатила ему клеветой. Он был высокой нравственности — стали говорить о его порочности. Он любил Россию — стали говорить об измене. Даже люди близкие Государю повторяли эту клевету, пересказывали друг другу слухи и разговоры. Под влиянием злого умысла одних, распущенности других, слухи ширились и начала охладевать любовь к Царю. Потом стали говорить об опасности для России и обсуждать способы освобождения от этой несуществующей опасности, и во имя якобы спасения России, стали говорить, что надо отстранить Государя. Расчетливая злоба сделала свое дело: она отделила Россию от своего Царя и в страшную минуту во Пскове он остался один. Близких

нет. Были преданные, но и их не допустили. Страшная оставленность Царя... Но не он оставляет Россию, Россия оставляет его, любящего Россию больше своей жизни. Видя это, и в надежде, что его самоуменьшение успокоит и смирит разбушевавшиеся страсти народные, Государь отрекается от Престола. Но страсть иногда не успокаивается, достигнув желанного, — она разгорается еще больше. Наступило ликование тех, кто хотел низвержения Государя. Остальные молчали. Последовал арест Государя и дальнейшие события были неизбежны. Если оставить человека в клетке со зверьми, то рано или поздно они его растерзают. Государь был убит, и Россия молчала. Не раздалось ни возмущения, ни протеста, когда совершалось это страшное злодеяние, и это молчание есть великий грех русского народа, совершенный в день Св. Андрея Критского, творца Великого покаянного канона, читаного Великим постом...

Под сводом Екатеринбургского подвала был убит Повелитель Руси, лишенный людским коварством царского венца, но не лишенный Божией правдой священного миропомазания. Все цареубийства в истории России были произведены кучкой людей, но не народом. Когда был убит Павел I, народ и не знал об этом, а узнав, долгие годы приносил к его гробу сочувствие и молитвы. Убийство Александра II вызвало в России бурю возмущения, которая оздоровила нравственное состояние народа, и это сказалось в царствование Александра III. Народ остался чист от крови Царя Освободителя. Здесь же народ, *весь народ* виновен в пролитии крови своего Царя. Одни убили, другие одобряли убийство и тем совершили не меньший грех, третьи не помешали. Все виновны и поистине мы должны сказать: «Кровь его на нас и на детях наших». Измена, предательство, нарушение присяги на верность Царю Михаилу Феодоровичу и его наследникам без обозначения их имен, пассивность и окаменение, нечувствие — вот из чего русский народ сплел венок, которым увенчал своего Царя.

Сегодня день скорби и покаяния. Почему, спросим мы, Господь, спасши того же Царя в день Андрея Мученика, не спас его в день другого Андрея — учителя покаяния? С глубокой грустью отвечаем: да, Господь мог также чудесно его спасти и в этот день, но русский народ этого не был достоин.

Государь теперь принял мученический венец, но это не оправдание нам, не уменьшение нашей вины, как не оправданы, а еще сильнее обвинены Воскресением Христовым Иуда, Пилат и Каиафа и те, которые требовали от Пилата убийства Христа.

Великий грех поднять руку на Помазанника Божия. Когда Царю Давиду принесли известие об убийстве Саула, то он велел казнить вестника, хотя он не принимал участия в убийстве, но только поспешил принести эту весть и приписал

себе убийство Царя. Не остается и малейшая причастность к такому греху неотмщенной.

В скорби мы говорим «кровь его на нас и на детях наших». Но будем помнить, что это злодеяние всего народа совершено в день св. Андрея Критского, зовущего нас к глубокому покаянию. Будем помнить, что нет предела милости Божией и нет такого греха, которого нельзя смыть покаянием. Но покаяние наше должно быть полное, без всякого самооправдания, без оговорок, с осуждением себя и всего злого дела от самого его начала.

После спасения Царской Семьи в Борках была начертана икона с изображением святых, имена коих носили Члены Царской Семьи. Быть может придет время, когда не небесные покровители их, а сами Царственные Мученики будут изображаться на иконах, в память воспоминаемого события. — Но теперь мы будем молиться об упокоении их душ и будем просить у Господа глубокого слезного покаяния и прощения для себя и для всего русского народа. Аминь.

Слово Епископа Митрофана (Зноско-Боровского), Бостонского (+2002 г.) в день убиения Царской Семьи

Дорогие братья и сестры!

Силой Божественной благодати, силою Духа Святого созидалось на протяжении веков Православное Царство Российское. Но вот уже свыше 60-ти лет собираемся мы в храмах наших со скорбным сердцем о падении Державы Российской. «Господи Вседержителю, преклоняясь пред Твоим правосудием, молим Тя: пощади людей Твоих, Имя Твое исповедующих, спаси Русь Православно-Державную» — эта молитва не прекращается в сердцах наших, с уст наших не сходит.

Падение Державы Российской, с заменой ее чуждыми нам пятиконечной звездой с серпом и молотом, началось страшными злодеяниями, не поддающимися описанию варварскими убийствами Государя Николая Александровича, Его Августейшей Семьи и многих миллионов священнослужителей и мирян, единственной виной и «преступлением» коих перед новыми, народу христианскому чуждыми, правителями страны, была их безкомпромиссная преданность Христу, преданность Его Божественной Правде, преданность Вере Православной.

Со дня этого зверского убийства Государя и Его верных слуг весь мир пошел быстрым шагом навстречу царству Антихриста, этого великого лжеца, обманщика, к установлению господства которого на земле, над всем миром, стремятся и ныне марксистские сатанократии, питаемые «золотым тельцом». И словами «демократия» и «социализм» прикрываются сатанократии наших дней. Они основаны на лжи, на кощунстве и убийстве, на уничтожении личности, на упразднении духовных ценностей.

Уже в начале 18-го века было предками нынешних водителей мира предрешено уничтожение христианской культуры и государственности. И варварское убийство Государя православной великой страны было одним из завершительных этапов в этом плане. Марксистская сатанократия ввела человечество в «новый век», ознаменованный лютой борьбой с христианством, извращением Божественной истины и порядка.

Но, дорогие, Христос сильнее Сатаны, царство которого — только тень, ибо Христу одному принадлежат власть и господство над миром. Кровь благословенных мучеников, к прославлению которых готовится наша Церковь Православная, — а их многие, многие миллионы, — их кровь обеспечивает

возрождение и существование Святой Руси, России Православной. Лучи света на родных просторах уже пробиваются через тьму Марксова интернационала и лживого социализма.

Мы часто полагаемся в жизни только на наши собственные силы, забываем всемогущую силу Божественной Любви, силу Божией благодати, которую все более и более озаряются умы и сердца наших подъяремных братьев. Размышляя о судьбах нашего Отечества, мы помним, что сила Божия может и ныне сотворить и из отступника и из гонителя верного исповедника и служителя Своего. Начавшая с примера Апостолов Петра и Павла, история изобилует доказательством действия в мире Божией Силой и Божией Премудростью. Наше упование посрамлено не будет. Аминь.